

Э.А.Паин,
кандидат исторических наук.
Институт социологии РАН

О роли формальных и неформальных институтов в эскалации экстремизма и терроризма

В медицине долгое время продолжается дискуссия между двумя школами по поводу природы такого заболевания, как рак. Сторонники "вирусной теории" объясняют исто-

© Э.А.Паин,
2002

ки этой болезни внешними факторами — инфекциями, которые могут поразить любого человека в любом месте, а "средовой" — внутренней предрасположенностью конкретного человека к заболеваемости, а также влиянием постоянных условий и сложившегося образа жизни человека (курением, облучением, неправильным питанием и т.п.).

Нечто похожее происходит и с проблемой терроризма с той лишь разницей, что вместо развитых теорий в этой области проявились лишь намеки на них. Нет пока и серьезной дискуссии между сторонниками "вирусного" и "средового" подходов к объяснению терроризма.

При всем разнообразии суждений на эту тему после трагических событий 11 сентября 2001 г., обращает на себя внимание громадное преобладание подходов к терроризму как к некоему внешнему злу, которое обрушилось на "нас—хороших". При этом не очень понятно, кто такие "мы—хорошие": то ли евроатлантические страны, то ли так называемый "цивилизованный мир", включая Россию? Столь же размыты контуры понятия "они—плохие": то ли это исламский мир, то ли еще более широкие и потому трудно очерчиваемые типологические зоны — "мир варварства"?

Этот же принцип деления на "мы" и "они" использует в своих доктринах большинство коммунистических и исламских политических идеологов, которые описывают терроризм в терминах битвы двух миров — "эксплуатируемых" (исламский мир, или Юг) и "эксплуататоров" (иудео-христианский мир, или Север). Понятно, что в этом случае меняются местами оценки на шкале "плохие—хорошие".

Крайне редки попытки анализа природы терроризма в рамках концепции единого мира, в котором разные сегменты человечества "совместными усилиями" породили это зло и, следовательно, несут свою долю ответственности за него. При этом во всех сегментах единого мира существуют, в большей или меньшей мере, внутренние предпосылки для развития терроризма. Базой ему могут служить политический экстремизм, достаточно распространенный во всем так называемом "цивилизованном мире", особенно в России, и такое еще более массовое и практически повсеместное явление, как ксенофобия, заметно возрастающая в последнее время в России. Именно эту гипотезу я пытаюсь проанализировать.

Начну ее верификацию с уточнения дефиниций. Здесь возникают определенные трудности. Если трактовка ксенофобии как страхов, подозрительности, недоброжелательства ко всем "чужим" достаточно однозначно понимается в научном сообществе, то в отношении экстремизма (понятия ключевого в данной статье) нет единства мнений. Более того, в России все попытки принять федеральный закон о политическом экстремизме потерпели неудачу во многом из-за расхождений в толковании этого явления. В данной

работе я тоже не берусь дать универсальное определение этому понятию и ограничусь лишь анализом неких проявлений политического экстремизма.

Прежде всего предметом моей статьи являются идеологические и политические течения, навязывающие свою "единственно верную" идею государству, социуму или мировому сообществу.

Политический экстремизм всегда содержит в себе зерно ксенофобии, но относится к явлениям социально более узким и в отличие от преимущественно стихийной ксенофобии — более организованным.

Не всякий политический экстремизм может быть назван терроризмом, а лишь тот, который допускает (и реально применяет) политически мотивированное насилие против гражданского населения.

Таким образом, под терроризмом мы понимаем идеологию и политическую практику, основанную на использовании насилия *против гражданского населения, которое никоим образом не может избежать его*, даже если будет согласно на изменение своих убеждений, капитуляцию, готовность сотрудничать с насильниками и т.п. Такая форма насилия против гражданского населения является средством достижения политических целей террористов, орудием их давления на государство, международные организации или мировое сообщество в целом. Использование таких средств делает терроризм неприемлемым для современной цивилизации и позволяет оценивать его как непростительное зло независимо от того, какие причины его породили.

По мере возрастания ценности человеческой жизни и свободы личности мировая цивилизация становится все более уязвимой для террористов, посягающих на жизнь и свободу человека, чтобы уравнять свои шансы в борьбе с более сильным противником.

Следует различать террористов, осуществляющих акты насилия против гражданского населения и невоенных объектов по всему миру, и комбатантов (повстанцев), применяющих оружие в своей местности против пришедших туда вооруженных сил центрального правительства. Действия повстанцев, хоть и признаются незаконными с точки зрения национального и международного права, но не считаются террористическими.

Терроризм — это групповое явление, поэтому использовать словосочетание "государственный терроризм" некорректно. Для обозначения не легитимного государственного насилия существует другое понятие — террор ("якобинский", "гитлеровский", "сталинский", "полпотовский" и др.).

Далее, из всего множества проявлений политического экстремизма и терроризма я ограничиваюсь в данной статье анализом лишь этнических и религиозных проявлений экстремизма. Декларируемые цели подобных политических течений — защита интересов этнических и конфессиональных общностей (групп). При этом

декларируемые цели экстремистов могут быть мнимыми и фальшивыми, а их притязания представлять интересы этнической или конфессиональной общности — необоснованными.

Незавершенная модернизация и культурная маргинальность как факторы политического экстремизма

И в публицистике, и в научной литературе распространены попытки напрямую увязать рост политического экстремизма с бедностью, социальным неблагополучием и низким культурным уровнем неких региональных, этнических или религиозных групп. Однако ни исторические примеры, ни специальные исследования не подтверждают подобных предположений. В замкнутых, застойных обществах, например, у бушменов Южной Африки или у индейцев майя в Мексике, находящихся на крайне низких уровнях экономического и социального развития, ничего похожего на политический экстремизм, а тем более терроризм, не проявляется. Вместе с тем эти явления заметны в обществах, *вступивших на путь трансформаций, и концентрируются в маргинальных слоях социума*, характеризующихся причудливым сочетанием традиционных и новых черт культуры, неполным изменением статуса и условий жизни.

На персональном уровне предпосылки этнического и религиозного экстремизма в форме роста этнической неприязни, агрессии, страха перед чужими вызываются любыми изменениями социального статуса в сторону как понижения, так и повышения, если они увеличивают разрыв между притязаниями личности и возможностью их удовлетворения¹.

На уровне социума, этнических и религиозных общностей проявления экстремизма нарастают в периоды начавшихся, но не завершенных исторических перемен, модернизаций. В таких условиях почти неизбежен так называемый "кризис идентичности", связанный с трудностями социального и культурного самоопределения личности. Стремление к преодолению этого кризиса порождает ряд следствий, которые могут выступать предпосылками политического экстремизма, а именно: возрождается интерес людей к консолидации в первичных, естественных, или, как их еще называют, "примордиальных" общностях (этнических и конфессиональных); усиливаются проявления ксенофобии; возрастает влияние идеологии традиционализма, зачастую перерастающей в фундаментализм (идея "очищения от нововведений и возврата к истокам"). Все эти тенденции тесно связаны между собой.

¹ Гудков Л. Антисемитизм в постсоветской России // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии / Под ред. Г.Витковской, А.Малашенко. М.: Московский центр Карнеги, 1999. С. 63.

Так, уже сам процесс консолидации в "примордиальных" общностях способен породить рост ксенофобии, поскольку в ее основе лежат те же социально-психологические механизмы противопоставления первичных общностей по принципу: "мы"—"они". К такому противопоставлению в переломные периоды обычно добавляется еще и негативная оценка чужаков ("они" хуже "нас", "мы" — жертвы "их" происков), поскольку поиск внешнего врага, виновника "наших" бед почти неизбежен в условиях дискомфорта, сопровождающего исторические перемены¹.

Ксенофобия как предтеча этнического и религиозного экстремизма возникает также вследствие негативного самоутверждения примордиальных общностей. При этом социологи фиксируют две противоположные формы такого самоутверждения: с одной стороны, негативизм по отношению к группам, оцениваемым как стоящие ниже "нас" на цивилизационной лестнице²; с другой — негативное отношение к группам, к которым "мы" испытываем зависть (этот феномен хорошо проявляется в массовых антиамериканских настроениях).

Переломные периоды закладывают предпосылки для экстремизма еще и тем, что значительно повышают интерес людей, испытывающих фрустрацию и депрессию, к историческим традициям. Традиционализм же, доведенный до своего логического конца, выступает основной предпосылкой различных проявлений такого радикального идеологического течения, как фундаментализм.

Ю.Левада отмечает, что в постсоветский период позитивное самоутверждение русских осуществлялось главным образом за счет реанимации традиционных национальных ценностей и символов, а также мифологизации и героизации прошлого своего народа³. Однако еще более заметны подобные тенденции у других этнических общностей в бывших союзных республиках СССР и в бывших национальных автономиях России.

Рост традиционализма, в свою очередь, усиливал стремления людей к культурной изоляции, обуславливал рост ксенофобии, вызывая противоречия в развитии, препятствуя процессам модернизации и глобализации.

Мой главный тезис о том, что важнейшей предпосылкой развития этнического и религиозного экстремизма выступают некие дисгармоничные, незавершенные исторические процессы, требует пояснений. Прежде всего необходимо очертить круг таких процессов.

¹ Сикевич З. Этническая неприязнь в массовом сознании россиян // Нетерпимость в России: Старые и новые фобии. С. 99.

² Этим, например, объясняют взрыв погромных антицыганских настроений в новых независимых государствах на территории бывшего СССР, а также в постсоциалистической Чехии, Словакии, Венгрии и ряде других стран Восточной и Центральной Европы. См.: Гудков Л. Указ. соч. С. 98.

³ Левада Ю.А. Новый русский национализм: Амбиции, фобии, комплексы // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994. № 1. С. 15-17.

К их числу несомненно относятся системные кризисы, подобные тем, которые пережили народы бывшего Советского Союза и Югославии, вынужденные одновременно в короткие сроки изменять свой политический режим, экономическую систему и национально-государственное устройство.

Далее, порождающими экстремизм могут быть незавершенная урбанизация, специфические формы индустриализации, изменения этнодемографической структуры общества, особенно в условиях бурных нерегулируемых миграционных процессов.

Практически всегда политический экстремизм возникает в период национально-государственного строительства, если оно сопровождается борьбой центрального правительства с этническим сепаратизмом и региональной автаркией.

Перечисленные исторические факторы экстремизма свидетельствуют о возможности его проявления практически в любой части мира, но в наибольшей мере — в зонах концентрации процессов незавершенной модернизации и культурной маргинализации. Именно этим в значительной мере можно объяснить вспышки экстремизма в так называемом исламском мире.

Так, если мы возьмем для анализа страны и регионы, в которых сосредоточено свыше 3/4 всего исламского населения (Индонезию, Пакистан, Афганистан и арабские страны), то без труда заметим специфические формы их развития, незавершенность и деформированность многих социальных и культурных процессов. Примером может служить урбанизация, которая во всех этих странах и регионах привела к гигантской концентрации недавнего сельского населения в городах, но не обеспечивает неурбанистам возможностей культурной адаптации, поскольку сами города утрачивают черты городской культуры и как бы дезурбанизируются. Такая среда обеспечивает расширенное воспроизводство маргинальных слоев населения — массовой социальной базы экстремизма.

В этой же части мира не завершены процессы национально-государственной консолидации, что порождает целую гроздь последствий, благоприятствующих развитию экстремизма. Так, в условиях постоянной напряженности взаимоотношений центрального правительства с локальными сообществами, этническими меньшинствами главную роль в консолидации населения берет на себя ислам. В связи с этим значительно повышается политическая роль религии, которая оспаривает у светской власти ее роль в управлении государством. Мечети и медресе зачастую становятся центрами пропаганды политического экстремизма. Возникают военизированные религиозно-политические организации и движения, такие, как "Талибан", "Хамаз", "Братья мусульмане", "Аль Кайеда" и др.

В исламском мире в большей мере, чем, скажем, в христианском, религия становится основой межгосударственных, международных альянсов, что само по себе создает предпосылки для появ-

ления идей глобального противостояния. Иногда теоретические основы подобных противопоставлений черпаются из работ, не имеющих ничего общего с религиозными движениями и конфликтами. Например, в указанных целях часто применяется концепция профессора Гарвардского университета С.Хантингтона "об истоках глобального цивилизационного кризиса"¹. Именно его работы чаще всего используют для обоснования существующей якобы несовместимости исламской и иудео-христианской цивилизаций.

Разумеется, важную роль в распространении этнического и религиозного экстремизма в указанной части мира играет и преобладание здесь авторитарных политических режимов. Они провоцируют насилие как форму разрешения политических противоречий и придают ему характер культурной нормы.

Существенную роль в создании предпосылок экстремизма играют и особенности индустриализации, характерные для указанных стран. "Ресурсная индустриализация" — нефтяная индустрия в арабских странах и в Индонезии, производство наркотиков в Афганистане и Пакистане — в большой степени приводит к маргинализации культуры. Занятость в этих областях влечет за собой изменения лишь неких внешних атрибутов бытовой культуры, но не стимулирует комплексных изменений культурных навыков, ценностных ориентаций, социальных связей. В зонах такой индустриализации возникают весьма причудливые многоуровневые социальные и культурные образования, пригодные для развития экстремальных политических течений. Если говорить только о наркобизнесе, то он не только не побуждает к социальным и культурным переменам, но и всячески эксплуатирует традиционные связи и этническую солидарность как условия необходимой для него конспирации. Экстремизм и нелегальная экономика развиваются в теснейшем переплетении и сотрудничестве.

Однако и легальный нефтяной бизнес, особенно если на нем сосредоточена вся экономика страны, также способен отрицательно воздействовать на культурный и политический климат развивающихся стран. Сверхдоходы нефтяных королей и баронов, получаемые без особых усилий с их стороны, порождают неадекватность восприятия мира и чрезмерные амбиции. Иногда эти амбиции реализуются в погоне за роскошью, а иногда вызывают приступы политического мессианства, стимулируют появление идей переустройства мира с помощью заговоров и конспиративных групп.

Итак, экстремизм и терроризм нельзя сравнить с вирусом, который человечество откуда-то подхватило. Это его внутренний недуг, порождаемый, главным образом, дисгармоничным развитием в социальной, политической и культурной областях. Однако сами

¹ *Huntington S.P. The Clash of Civilizations // The International System after the Collapse of the East-West Order. 1994. См. также: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Полис. 1994 № 1.*

по себе инерционные процессы способны лишь создать предпосылки для экстремизма. Превращение его в особую идеологию и политическую практику — это всегда дело рук конкретных людей и групп.

Роль этнических и религиозных лидеров в развитии политического экстремизма

В качестве основных носителей идей нетерпимости, политического экстремизма и терроризма, как правило, выступают представители двух полярно противоположных групп социума: с одной стороны, его низов, обычно из среды распадающегося аграрного общества или новых горожан, неадаптированных к новым условиям жизни (это "сырье", "пушечное мясо" экстремистских и террористических группировок); с другой — представители образованных и состоятельных сословий, но также характеризующиеся некоей социальной, культурной или сугубо психологической маргинальностью (это идеологи и организаторы экстремистских и террористических группировок и движений)¹.

К аналогичным выводам приходят и антропологи. Они подчеркивают элитарный характер идеологии насилия. «Те, кто производят субъективные предписания к насилию или создают морально-доктринальную аргументацию, — отмечает В.А.Тишков, — сами, как правило, не воюют. Рекрутирование исполнителей насилия идет из другой среды. Этой средой чаще всего являются сельские молодые мужчины или городские маргиналы. Именно так обстоит дело в Шри-Ланке, Ольстере, среди латиноамериканских геррильяс и других рядовых участников "движений", "революций" и других коллективных насильственных действий». Эти рекрутированные группы выступают всего лишь трансляторами элитных призывов к насилию².

В современной этнополитологии сложилось весьма разветвленное научное направление, которое уделяет главное внимание изучению роли так называемых "этнических и религиозных предпринимателей", т.е. людей, наживающих политический капитал на акцентировании межгрупповых различий и эксплуатации ксенофобии. Представители этой школы — ДжРотшильд, П.Брасс, М.Эсман и другие — внесли большой вклад в изучение механизмов группового манипулирования как инструмента консолидации этнических и религиозных групп в ходе межгрупповых конфликтов. И все же в наиболее завершенном виде механизмы подобного манипулирования

¹ Гудков Л. Указ. соч. С 70.

² Тишков В.А. Насилие: Хрестоматийные подходы. Тезисы доклада на конференции Conflicts in Multiethnic Societies. Wash., 2001. November, 5-8.

были изложены в небольшой статье А.Попова, бывшего сотрудника Центра этнополитических и региональных исследований (Москва)¹.

Он выделяет три основные стадии этого процесса.

Первая стадия — *"эмоциональная актуализация ксенофобий"*, при которой все прошлые и настоящие, действительные и мнимые обиды должны быть выведены на поверхность общественного сознания и поданы в болезненно заостренной форме как свидетельства и символы национального унижения и оскорбления. Такая психологическая обработка, осуществляемая с помощью специальной литературы и средств массовой информации, направлена на то, чтобы задеть наиболее чувствительные струны человеческой психики, затрагивающие честь и личное достоинство каждого представителя данной религиозной группы или этноса.

Так, подготовка чеченского общества к вооруженному сопротивлению федеральной власти проводилась задолго до ввода федеральных сил в Чеченскую Республику. Инструментом возбуждения массового сознания и мобилизации общества для борьбы с центральной властью «были некоторые литературные произведения чеченских авторов, многочисленные публикации местных и московских историков и других обществоведов, переводные сочинения, националистическая литература из других регионов СССР, которые пестовали трагико-драматический или геройский облик чеченской истории и чеченцев и взывали к "восстановлению исторической справедливости", к "реваншу над прошлым"»².

Вторая стадия группового манипулирования — *"практическая ориентация групп"* — состоит в том, что массовое сознание ("соотечественников" или "единоверцев"), подогретое пропагандой "народного возмущения", направляется на конкретные свершения с помощью привлекательных политических целей, программ, перечня популярных практических шагов.

Это весьма непростой этап в системе манипулирования общественным мнением, требующий сосредоточения усилий интеллектуалов. От умелости их действий зависит многое. Так, "изготовленная ими программа, — пишет А.Попов, — может быть примитивной, сработанной по лекалам погромных кличей, и рассчитанной исключительно на люмпенов, но может быть и развернута в эстетически привлекательную... идеологическую систему, способную мобилизовать широкие слои населения..."³

Как правило, подобные программы строятся на двух уровнях — публичном ("программа для масс") и эзотерическом ("программа для вождей"). Последняя содержит технические детали планируемых

¹ Попов А. Причины возникновения и динамика развития конфликтов // Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под ред. М.Олкотт, В.Тишкова. М.: Московский центр Карнеги, 1997. С. 273-297

² Тишков В.А. Указ. соч. С. 7.

³ Попов А. Указ. соч. С. 282.

акций, будь то захват власти или дестабилизация ситуации в некоем регионе, стране, мире.

Наконец, третья стадия — *"моральная легитимизация насилия"* — завершает процесс группового манипулирования. На ней намеченные к реализации цели, конкретные программные установки и практические шаги должны быть морально санкционированы господствующим в данной среде общественным мнением, после чего любые акции этого национального движения, даже если они сопряжены с неминуемыми беспорядками и кровопролитием, заведомо будут восприниматься как нравственно оправданные, отвечающие высшим интересам нации или конфессии.

Накоплено множество способов снятия морального табу, устранения психологических запретов на участие людей в действиях погромного характера, в акциях насилия. Самый простой и потому наиболее распространенный из них — организация провокаций, которые позволяют представить насильственные действия "своих" всего лишь как ответную реакцию на оскорбления, глумления, "несправедливость" со стороны "чужих". Бесчисленные примеры тому представляют все этнополитические конфликты, но, пожалуй, больше других — палестинско-израильский конфликт.

В его ходе множество раз возникала ситуация, при которой стороны, как бы соревнуясь друг с другом в твердости позиций, в проведении *"ответных действий"*, доводили конфликт до практически тупикового состояния. Так, вслед за террористическим актом в каком-либо из израильских городов немедленно проводились акции возмездия на палестинской территории. Их жертвами порой становились не только виновные в терроризме. Тогда "ответом на ответ" израильской армии выступали новые террористические акты палестинцев — возникала цепная реакция "справедливого возмездия". При этом расширялась и зона террористической активности. Теперь за действия израильских солдат, например в секторе Газа, могут последовать "ответные действия" в Нью-Йорке, поскольку в глазах палестинских террористов сложился единый американо-израильский блок, который они называют то "антиарабским", то "антиисламским". Как бы в ответ на реальные или мнимые союзы в "иудео-христианском лагере" возникают и оппозиционные им военно-политические группировки в исламском мире. Не случайно в рядах палестинского сопротивления сегодня можно встретить не только арабов, но и боевиков других национальностей из разных стран и многочисленных радикальных исламских организаций. На такой основе складываются международные сети террористических организаций.

Реальность их существования, казалось бы, укрепляет позиции тех, кто считает основной причиной нынешнего всплеска экстремизма и терроризма "заговор международного терроризма". Однако, признавая важное значение международных террористических

организаций, нельзя не задаться вопросами о внутренних факторах развития политического экстремизма, играющих главенствующую роль в каждой стране.

Так, если экстремистские политические организации столь влиятельны, то почему в одних районах они появляются и укореняются, а в других нет? Почему, формируясь во многих районах, они добиваются своего лишь в некоторых?

Например, в Татарстане после распада СССР возникло множество организаций, стремившихся актуализировать "исторические обиды" татарского народа, начиная со времен покорения Казани Иваном Грозным, и направить их на борьбу с "имперской" Россией. Однако эти организации своего не добились. По крайней мере, в Татарстане не сложились вооруженные организации сепаратистского или радикально исламского толка, как в Чечне или в Дагестане.

Те же вопросы возникают и в связи с повышенным ныне вниманием к самому факту связи лидеров исламских организаций в республиках России со своими зарубежными спонсорами.

Так, международные исламские организации проявляют к Татарстану не меньший интерес, чем к Чечне, но это пока не поколебало политическую стабильность в поволжской республике.

Популярность идеи заговоров в современной России объяснима, она хорошо согласуется с массовыми представлениями о том, что причиной большинства бед являются злой умысел и действия неких скрытых сил: будь то "олигархи", мафия, коррупционеры и др. Подобного рода гипотезами буквально переполнена российская пресса.

Повышенное внимание нынешней российской интеллигенции к идеям мировых заговоров отражает не только влияние предрассудков массового сознания, но и модное в наше время старание во что бы то ни стало угодить власть имущим. Ведь если всему виной внешние заговорщики, то меньшая ответственность лежит на властях государства, на территории которого наблюдаются проявления экстремизма и терроризма.

Между тем власти должны нести ответственность уже за то, что зачастую бездумно ввязывались в эскалацию "справедливого возмездия".

Сейчас проявляется особая, новая функция террористических актов. Классический терроризм всегда был формой шантажа властей или мирового сообщества, он открыто (и даже демонстративно) выдвигал свои требования, например, выплатить выкуп, освободить из тюрьм своих единомышленников, прекратить военные действия и т.п. Но в последнее время все чаще совершаются анонимные террористические акты с неясными целями. Одной из них может быть сплочение или расширение собственных рядов в ответ на спровоцированные акции возмездия. В этом случае государство (или группа государств), проводя подобные акции, играет по сценарию, на-

вязанному ему (или им) экстремистами. Иногда террористы, провоцируя власти на жесткие ответные действия, подставляют вместо себя, в качестве объекта возмездия третью сторону — неких "козлов отпущения". Например, можно предположить, что террористические акты в российских городах в 1999 г. не были делом рук чеченских террористов, как это трактуется в официальной российской версии. Они могли быть осуществлены другими заинтересованными субъектами, например, представителями радикальных исламских организаций из других республик Северного Кавказа (пока выявленные следы преступления ведут в Карачаево-Черкесскую Республику). Террористы, легко предугадывая движение центральных властей исключительно по чеченскому следу, могли рассчитывать на сплочение рядов своих единомышленников в ответ на "интервенцию имперских сил России" и при этом не ставить под угрозу свой народ, свои семьи. Нечто похожее могло быть и с поиском виновных в событиях 11 сентября.

Я вовсе не настаиваю на справедливости этих версий. Хочу лишь подчеркнуть, что политический экстремизм, терроризм были невозможны без неких, иногда ошибочных, ответных действий властей. "Терроризм, — отмечает А.Кара-Мурза, — это действия, направленные на уравнивание шансов или на слом игры... С точки зрения самих террористов, их действия — это форма восстановления попранной справедливости"¹. Это извращенные представления о справедливости, однако важно отметить, что терроризм всегда является асимметричным ответом слабейшей стороны на действия сильнейшей.

О роли "очагов сопротивления" экстремизму

Если основной причиной развития экстремизма в некоей стране выступает незавершенная модернизация, то, казалось бы, напрашивается вывод о том, что содействие модернизации может стать предпосылкой устранения экстремизма. Однако во всем мире представители академических кругов с большой настороженностью относятся к различного рода внешним вмешательствам в социокультурные процессы. В связи с событиями 11 сентября и последовавшей за ними военной операцией в Афганистане эти опасения не только не уменьшились, но еще больше возросли.

Типичную, на мой взгляд, точку зрения на этот счет высказал социолог Б.А.Грушин: "Мир начинен разными цивилизациями, разными культурами. И речь не идет о том, какая выше, какая ниже.

¹ Грушин Б., Деягин М., Кара-Мурза А., Тарасов А. Слабость, которую не победить силой. Как быть большинству, если меньшинство желает уравнивать шансы ценой терроризма // Общая газета. 2001. № 38. 20-26 сентября.

Их просто надо оставить в покое, не тянуть насильно к единому образцу евро-американской цивилизации"¹.

Ну что же, "тянуть насильно" культуры к единому образцу, разумеется, не нужно, но и "оставить в покое" их тоже не получится — это утопия. Процесс культурной глобализации затрагивает даже наиболее изолированные общности. Именно такое якобы "естественное" развитие без целенаправленного вмешательства внешних сил чаще всего ведет к маргинализации культур и образа жизни народов, попавших в стихию незавершенных модернизаций.

Развивающиеся страны сами выбраться из этой стихии вряд ли смогут. И дело не только в отсутствии у них необходимых ресурсов, но и в чрезвычайной малочисленности и слабости тех внутренних сил, которые способны быть носителями культуры позитивного развития и терпимости.

Мы отмечали, сколь значительна роль культуртрегеров фундаменталистского типа в распространении политического экстремизма. В противодействие им не меньшей должна быть роль и терпимости. Не менее значительна роль культуртрегеров прогресса и толерантности. Но если первые могут плодиться и размножаться без особых усилий, как сорняки или инфекция, то появление носителей прогресса и толерантности возможно только в результате упорного культивирования социальной среды.

Не вызывает сомнения справедливость утверждения о том, что "каждая цивилизация должна выталкивать собственную патологию на периферию самостоятельно"². Однако зачастую цивилизациям, культурам, общностям нужна помощь для создания "первичных очагов сопротивления" этим патологиям. В этом отношении может быть примером то содействие, которое Россия и Америка оказали Северному альянсу и новому коалиционному правительству Афганистана.

Разумеется, не стоит идеализировать меру развития политической культуры этих сил, но бесспорно одно — пока они обеспечивают большую открытость Афганистана для проникновения туда культуры прогресса и оставляют меньше пространства для вольготного существования здесь международных террористических организаций.

Думается, подобная тактика могла бы вывести из тупика и чеченский кризис. В Чечне на роль, которую в Афганистане играет Северный альянс, могут претендовать только силы, поддерживающие Аслана Масхадова. Они пользуются наибольшим влиянием среди населения и хотя выглядят респектабельно в глазах мирового общественного мнения. Масхадов публично осудил действия террористов в событиях 11 сентября и, бесспорно, не заинтересован

¹ Грушин Б., Делягин М., Кара-Мурза А., Тарасов А. Указ. соч.

² Там же.

в усилении позиций наиболее радикального крыла чеченских сепаратистов. На мой взгляд, Масхадов при определенных условиях, прежде всего при неких гарантиях со стороны Кремля, пошел бы на совместные с федеральной властью действия против чеченских экстремистов. Однако таких предложений он не получал и маловероятно, что получит в ближайшее время.

Наибольший эффект может дать поддержка культуртрегеров прогресса и толерантности на стадии раннего предотвращения этнического и религиозного экстремизма, когда политическая ситуация еще не грозит перерасти в вооруженные этнические или религиозные конфликты и не появились террористические организации. В этой ситуации важно помочь сплочению и развитию тех групп, которые могли бы стать не только носителями, но и "сеятелями" таких современных либеральных ценностей, как человеческая жизнь, индивидуальные свободы, права человека, а также компромисс как основная форма разрешения конфликта. Группы, исповедующие подобные принципы, в кризисных ситуациях, особенно в условиях "кризиса идентичности" находятся в меньшинстве. Однако это то меньшинство, которое при определенных условиях может повести за собой большинство.

Определяя возможные подходы к предотвращению экстремизма, я не ставил перед собой задачу подготовки конкретных предложений на этот счет. У меня иная цель — обосновать гипотезу о том, что процессы, порождающие экстремизм и вытесняющие его, в чем-то схожи. Трем основным факторам роста экстремизма и терроризма — незавершенной модернизации, неадекватной политике государств и появлению идеологов и организаторов экстремизма — должны противостоять три симметричных процесса: модернизация общества, становление новой политики и появление идеологии антиэкстремизма. При этом последняя задача, включающая формирование групп, способствующих изменению культурного климата в обществе, создающих, по крайней мере, конкуренцию тем, кто эксплуатирует человеческие страхи и предрассудки, является ключевой.